

УДК 316.323.64

АНДРЕЙ МАЛЮК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

Экономико-социологическая концепция К.Поланьи как теоретико-методологическая основа социально-критического исследования неолиберальной глобализации

Аннотация

Статья посвящена анализу экономико-социологической концепции известного экономического социолога и антрополога К.Поланьи как теоретико-методологической основы социально-критического подхода к исследованию неолиберальной глобализации.

В своей работе “Великая трансформация” Поланьи дал объяснение процесса всемирной рыночной экспансии XIX — начала XX веков, то есть фактически процесса глобализации XIX — начала XX веков, а также причин его краха. Центральным элементом экономико-социологической концепции Поланьи выступает понимание человека как социального существа, влеченного в паутину социальных связей и “встроенности” экономики в общество. Такое понимание человека и взаимоотношений экономики и общества противостоит концепции homo oeconomicus формальной экономической теории. Оно выступает основой критики заблуждений экономического либерализма и неолиберализма. Как показывает Поланьи, возникновение капиталистической рыночной экономики привело к обособлению экономики в автономную от общества институциональную сферу, что влечет за собой ряд негативных социальных последствий.

Ключевые слова: *глобализация, неолиберализм, Поланьи, капитализм, формы интеграции экономики и общества, рыночная экономика*

На протяжении по крайней мере двадцати последних лет концепт глобализации доминировал и по инерции продолжает еще доминировать над всей областью социального познания. Практически любая работа в экономике, социологии, политических науках до сих пор не обходится без обязательной

ссылки на глобализацию как новое социальное явление, радикально изменяющее как объективные процессы, протекающие в обществе, так и научные представления о самом обществе и общественных процессах. “Глобализация — одна из тех идей, о которых можно сказать, что пришло их время” — эти слова Д.Хелда [Глобальные трансформации, 2001: с. 1], одного из авторов, пожалуй, наиболее развернутой работы по этой теме, как нельзя лучше характеризуют влияние концепта глобализации на состояние социального познания в последние десятилетия. При этом содержание концепта глобализации, несмотря на все предпринятые усилия, оставалось довольно неопределенным, открывая простор многочисленным, подчас противоположным интерпретациям. Но чаще всего понимание глобализации включало среди прочего стандартный набор представлений о возникновении безграничной охватывающей весь мир рыночной экономики, культурной гомогенизации и гибридации, институциональной конвергенции, снижении роли национального государства в управлении политическими и экономическими процессами, ослаблении национально-государственного суверенитета, создании системы глобального правления, наличии только одного “наилучшего” пути общественного развития, а также, как следствие всего выше сказанного, о тенденции (как минимум) возникновения некоего глобального (сверх)общества.

Данное понимание содержания концепта глобализации в целом совпало с той совокупностью идей, которые принято называть неолиберальными. Неолиберализм представляет собой сложный комплекс социально-философских, политических, экономических и социальных идей, среди которых помимо прочих можно выделить либеральную классическую политическую экономию А.Смита и Д.Рикардо, а также их более позднее развитие в форме неоклассической экономики, включая австрийскую школу Ф.Хайека и монетаризм Чикагской школы М.Фридмана, политический неоконсерватизм, обновленное мальтузианство, социал-дарвинизм Г.Спенсера, антиэгалитаризм и крайний индивидуализм англо-американского либерализма. Центральное место в неолиберализме занимают понятие рынка и вера в экономическое, социальное, политическое и моральное превосходство общества, в основании которого лежат отношения индивидуальной рыночной конкуренции, над любыми другими формами общественной организации. Картина социального мира неолиберального учения включает ряд воспринимаемых их сторонниками как аксиомы допущений относительно того, что представляет собой человек, общество и экономика. С точки зрения неолиберализма общество представляет собой совокупность рациональных индивидов-собственников, вступающих друг с другом в контрактные отношения и действующие на основе утилитарного принципа максимизации личной выгоды. На смену представлениям о солидарности и общем благе в неолиберализме приходит понятие индивидуальной ответственности и конкуренции. Конкуренция позволяет отделить жизнеспособных индивидов от нежизнеспособных и распределить материальные, природные, человеческие и финансовые ресурсы с наибольшей эффективностью. Саморегулирующийся рынок рассматривается в сопоставлении со всеми другими исторически возможными типами экономических систем как наиболее эффективная экономическая система в плане обеспечения экономического роста и в конечном итоге — всеобщего благосостояния. Вмешательство государства в

работу рынка будет в лучшем случае неэффективным, в худшем — станет источником воздействий, нарушающих совершенное функционирование рынка. Приемлемы только такие меры государственного регулирования, которые поддерживают работу саморегулирующегося рынка. Все, что создано природой и человеком, включая его самого, рассматривается как товар, то есть предмет, произведенный для продажи на рынке. И поскольку рабочая сила как товар находит свою цену на рынке, нет необходимости в социальном и трудовом законодательстве. Вообще рынок сам способен позаботиться о бедных и социально уязвимых. В этой картине социального мира отсутствуют коллективные субъекты социального действия — классы и другие общественные группы — и конфликты между ними. Все субъекты экономических отношений рассматриваются как индивиды, подчиненные мотиву выгоды. Проблемы социального и экономического неравенства и властных отношений между рабочими и капиталистами или внутри капиталистического класса, а также процессы концентрации и централизации экономической власти, роль финансовых элит, деятельность штаб-квартир корпораций и связанных с ними мозговых центров, — все это из этой картины мира выпадает. Вся экономическая жизнь сводится к совокупности сделок на рынке. Если выражение “идеология собственнического индивидуализма” когда-либо имело смысл, то именно по отношению к неолиберализму.

Со времен того, что принято называть “революцией Рейгана”, или “неолиберальной контрреволюцией” конца 1970-х годов, неолиберальная идеология завоевывала господствующие позиции в общественном сознании вначале стран Запада, а затем и остального мира. Она стала субститутутом здравого смысла. Параллельно этому в общественных науках Запада также была предпринята попытка установления гегемонии неолиберальных идей. Наиболее успешной она была в области экономической науки, в которой, начиная с 1970-х годов, стали доминировать неоклассическая экономика, среди ярких представителей которой следует назвать Фридриха Хайека и Милтона Фридмана и которая сама являлась ключевым элементом неолиберализма как политико-идеологической доктрины, а также учения, которым правящие и господствующие группы стали руководствоваться, отбросив социал-реформизм и кейнсианство, в своем стремлении изменить соотношение социально-классовых и геополитических сил в мире в свою пользу.

С этого времени неолиберальное учение стало руководством к действию и легло в основу неолиберального проекта, совмещающего в себе образ желательного социального порядка как цель проекта с программой и стратегией действий, нацеленных на его достижение, в которых воплощаются долгосрочные интересы господствующего класса. Составной частью неолиберального проекта стал проект неолиберального глобализма — программа глобальной экономической и политической перестройки на основе принципов неолиберализма, ключевым элементом которой выступает рыночная либерализация и подчинение всех аспектов социальной жизни во всех странах логике капиталистического накопления.

С момента начала реализации названного проекта термин “неолиберализм” стали применять также к совокупности политических мер, воплощающих на практике принципы неолиберального учения и ведущих к структурным и институциональным изменениям в социальной, экономической и политической жизни капиталистических развитых и развивающихся стран,

а затем и “постсоциалистических” стран. К таким изменениям относятся демонтаж созданного в послевоенный период социально-реформистского государства всеобщего благосостояния и создание неолиберального государства, сокращающего социальные расходы и социально-экономические права трудящихся, изменяющего законодательство в пользу бизнеса, осуществляющего дерегулирование рынков, приватизацию и создание гибких рынков труда и насаждающего так называемые децентрализованные отношения между капиталом и трудом при устранении сильных профсоюзов и института коллективных переговоров, а также барьеров на пути международного движения капитала. Как утверждают адепты неолиберализма, именно осуществление принципов неолиберального учения привело к возникновению нового явления, а именно глобализации, которая будто бы порождает экономический рост и связанный с ним социальный прогресс. Сторонники этой идеологии также утверждают, что под воздействием неумолимых экономических законов государство в значительной мере утрачивает экономическую власть, которая заменяется властью мирового рынка. Его главным элементом выступают ТНК как основные единицы экономической деятельности в современном мире. Естественным дополнением возникающей глобальной рыночной экономики должна стать система глобального правления, которой государства должны уступить, по крайней мере, часть своего суверенитета. В этом дискурсе неолиберальная глобализация представляется как безусловное благо.

Совпадение смысла, вкладываемого в концепт глобализации, с содержанием неолиберальных представлений весьма значительно и касается практически всех основных элементов обоих конструктов. Создатели концепта глобализации рассматривают экспансию свободного рынка как основную движущую силу глобальной интеграции и экономического прогресса. Они или прямо выступают за высвобождение рыночных сил путем поощрения частнокапиталистического накопления, приватизации, дерегулирования финансовых рынков и рынков рабочей силы, либерализации торговли, или же, овецивая концепт глобализации и представляя ее как независимую, внешнюю по отношению к обществу силу, утверждают, что глобализация не оставляет иного выбора. Они также считают необходимым в новых условиях сокращение прерогатив “государственной бюрократии” и демонтаж механизмов социального государства, выступают против принципов равенства, солидарности и коллективизма как препятствий на пути экономического прогресса и доказывают необходимость адаптации государств и социальных субъектов (коллективных и индивидуальных) к требованиям глобальной рыночной конкуренции. С их точки зрения действие неустраняемых стихийных рыночных сил ведет к глобальной конвергенции, открывающей качественно новую эпоху в истории человеческого общества. Вследствие такого совпадения понятия неолиберализма и глобализации было бы вполне обоснованно рассматривать как исторически и аналитически взаимосвязанные и даже тождественные. Неолиберальное учение господствует над дискурсом глобализации точно так же, как оно доминирует над общественным сознанием. При этом неолиберальное содержание процесса глобализации признавалось всеми исследователями в равной мере независимо от их партийной (в широком смысле этого слова) принадлежности. То, что глобализация означает создание глобального саморегулирующегося

рынка и транснациональных систем производства, торговли и финансов, признавали как правые, так и левые. В чем они расходились — так это в оценке значения и последствий этих явлений. Для одних — они были, безусловно и непосредственно, позитивными, для других — возможности, которые, казалось бы, открывались с глобализацией, нивелировались тем, что этот процесс протекал главным образом в интересах транснационального капитала и вел к росту эксплуатации, нищеты, деградации экологической системы планеты. Но и те, и другие соглашались, что глобализация в той или иной мере предполагает всемирное распространение принципов неолиберализма.

Череда финансово-экономических кризисов, пережитых мировой экономикой с начала 1990-х годов, постепенно подтачивала силу и влияние идей глобализации как неолиберализации. Но особенно сильный удар по ним был нанесен глобальным финансово-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году.

Начало процесса изменения интеллектуального климата дискуссий относительно того, что представляют собой современный мировой политический и экономический порядок, каковы причины, ввергшие его в кризис, чем является так называемая глобализация, в каком направлении будет теперь развиваться человеческое общество и каковы возможные характеристики мира после кризиса, является, пожалуй, наиболее позитивным последствием глобального финансово-экономического кризиса.

Кризис нанес серьезный удар по идеологической неолиберальной монокультуре, которая в течение более чем трех десятилетий воспринималась как неоспоримая истина большинством представителей крупного бизнеса, буржуазных политиков, представителей СМИ и экономистов. Очевидная неадекватность теоретического конструкта, который представляет собой картину социального мира с точки зрения биржевого маклера, конструкта, не способного дать внятное объяснение и понимание действительных причин и механизмов кризиса, в немалой степени способствовала интеллектуальной и моральной дискредитации культурной гегемонии идеи глобальной свободнорыночной экономики. В результате неолиберальные формы экономической политики и лежащей в ее основе экономической теории превратились, если воспользоваться выражением британского экономиста Б.Файна, в “зомбиэкономiku” [Fine, 2009: p. 887]. Данное выражение означает, что эти формы экономической теории и практики одновременно и мертвы, и живы. Они живы в том смысле, что неолиберальные идеи продолжают доминировать в экономической науке, на экономических факультетах и в школах бизнеса, в мозговых центрах, разрабатывающих экономическую политику правительств ведущих капиталистических держав, в практике международных финансовых институтов. Они определяют содержание поддержанных крупным бизнесом государственных экономических и социальных программ, а также межгосударственных мер регулирования мировой экономики, они являются основой экономических и социально-политических стратегий крупного транснационального бизнеса. Одновременно они интеллектуально мертвы, поскольку не в состоянии предложить человечеству выход из тупика, в который его завело стремление сделать мотив прибыли доминирующим мотивом жизни общества. И это, в общем, хорошо понимают ведущие идеологи капиталистической системы. Так, известный экономический обозреватель газеты “Файненшл таймс” Мартин Вольф в

марте 2008 года отмечал: “В течение трех десятилетий мы воздавали хвалу красоте либерализованной финансовой системы, и к чему это нас привело? К череде одного масштабного финансового кризиса за другим. Я не хочу сказать, что либерализация финансов не имеет преимуществ. Она, безусловно, сделала значительное число людей исключительно богатыми”. Однако за последние тридцать лет произошло не менее 117 системных банковских кризисов в 93 странах, в ходе 27 из них финансовые затраты на спасение от банковского краха достигали 10% ВВП данной страны, а иногда и больше. Но кризис 2007–2008 годов, по словам М.Вольфа, “стал гораздо более значительным и серьезным из всех кризисов за прошедшие тридцать лет”. Характеризуя состояние финансовой системы в результате десятилетней неолиберальной политики дерегулирования, Вольф отметил, что “сторонние наблюдатели сознавали, что она превратилась в огромный черный ящик. Но они полагали, что по крайней мере те, кто работает внутри нее, понимают, что происходит. Это предположение неверно” [Wolf(b), s.a.].

Вместе с тем в кругах правых интеллектуалов созрело и понимание того, что нынешний кризис знаменует собой начало крупной трансформации современной мировой политико-экономической системы капитализма, направление которой они определить не могут, что рождает у них чувство тревоги за будущее капиталистической системы. Как отмечал тот же М.Вольф в газете “Файненшл таймс” за 8 марта 2009 года: “В такой поворотный момент невозможно знать, куда мы идем... Однако комбинация финансового краха с гигантской рецессией, если не чем-то худшим, безусловно, изменит мир. Легитимность рынка ослабнет. Доверие к США будет подорвано. Авторитет Китая возрастет. Сама глобализация может отправиться ко дну. Это время тектонических сдвигов”. И причину этого он видит в том, что эпоха либерализации (следование неолиберальным курсом рейганизма-тэтчеризма) содержала зерна собственного разрушения [Wolf (a), s.a.]. Более того, в умах царит некоторая растерянность, что можно понять из высказывания главы представительства инвестиционного банка “Меррилл Линч” в Москве Берни Сачера: “Наш мир разрушен, и я, честно, не знаю, что придет ему на смену. Компаса, по которому мы, американцы, сверяли курс, больше нет”. По его словам, за последнее время он наблюдал нечто подобное этому, в смысле дезориентации и утраты смыслов, у своих друзей в России, когда был развален Советский Союз (цит. по: [Tett, s.a]).

В условиях интеллектуального хаоса, вызванного экономической и политической турбулентностью, в настоящее время протекают дискуссии относительно сущности, характера, масштабов, глубины и направления трансформации, в которую вступило мировое сообщество с началом глобального финансово-экономического кризиса в 2008 году. Идейный разброд и шатания в кругах тех, кто разрабатывал и распространял идеи глобализации-неолиберализма, растерянность в кругах мирового истеблишмента открывают дорогу к иному пониманию и объяснению происходящего.

В этих условиях все большее количество исследователей обращается в поисках альтернативных идей, позволяющих ответить на многочисленные вопросы, связанные с пониманием сущности глобализации-неолиберализма, а также природы и масштабов нынешнего кризиса и вызываемых им изменений, к идейному наследию Карла Полањи, исследовавшего причины кризиса и последующего краха и преобразования мировой политико-эконо-

мической системы, фундамент которой закладывался в XIX веке. Разработанная К.Поланьи экономико-социологическая концепция как способ объяснения и понимания крупных исторических сдвигов, пережитых человечеством в первой половине XX века, включая две мировые войны, революции, подъем фашизма и крупный мировой экономический кризис 1930-х годов, названный “Великой депрессией”, в настоящее время завоевывает все более широкое признание. Фактически мало кто из современных исследователей так или иначе не обращается к работам К.Поланьи в поисках идей, позволяющих осмыслить такие феномены, как глобализация, неолиберализм, рыночный фундаментализм, антиглобализм, транснациональные движения. Причины востребованности и то выдающееся место, которые взгляды Поланьи занимают в современных мировых дискуссиях, очевидны. Именно глубокая критика принципов экономического либерализма XIX века и утопической попытки построения на основе указанных принципов саморегулирующейся рыночной экономики и рыночного общества, с органически присущими ему неизлечимыми социальными патологиями, делает концепцию Поланьи особо актуальной в современную эпоху, когда идейные наследники экономического либерализма, названные “неолибералами” и “рыночными фундаменталистами”, предприняли в последней трети XX века новую попытку реализации проекта капиталистической свободнорыночной экономики планетарного масштаба под вывеской “глобализации”.

Вклад Поланьи в развитие экономической антропологии, социологии и истории во всем мире давно уже признан фундаментальным. Исследованием жизни и идей Поланьи, их актуальности и значимости и применимости в современных условиях занимается Институт политической экономии имени Карла Поланьи (университет Конкордии, Монреаль), в западных странах издаются многочисленные работы, проводятся конференции. В последнее время идеи Поланьи привлекают внимание российских социологов. Среди исследователей, обращавшихся к исследованию наследия классика экономической социологии и антропологии, следует назвать Ю.Веселова [Веселова, 1999], Р.Капелюшникову [Капелюшников, 2005], В.Радаева [Радаев, 2004], Н.Розинскую [Розинская (а, в, с), s.a.]. В октябре 2004 года в Москве в Государственном университете — Высшей школе экономики прошел научный симпозиум “60-летие “Великой трансформации” Карла Поланьи”. Впрочем, социально-антропологические исследования Поланьи привлекали внимание ученых еще в советское время [Семенов, 1973, 1989, 1993]. В Украине идеи К.Поланьи пока еще не привлекли особого внимания исследователей, во многом они остаются малоизвестными и практически невостребованными. Настоящая статья призвана частично восполнить этот пробел, применяя систему взглядов К.Поланьи на экономический либерализм и рыночную экономику к интерпретации смысла концепта и осмыслению феномена, известного под названием “глобализация”. Хотя в период написания и выхода в свет “Великой трансформации” термина глобализация еще не существовало (известен единичный случай использования глагола “глобализировать” в значении “универсализировать” в вышедшей в 1944 году книге “Планетарная демократия” американцев О.Рейзера и Б.Дэвиса, в которой прогнозировался “планетарный синтез культур” в “глобальный гуманизм”), учитывая, что экспансия рыночной экономики обладала,

что отмечал и Поланьи, планетарным масштабом, речь идет о процессе, который в конце XX века получил наименование глобализации.

* * *

Неолиберальный проект был выдвинут в странах Запада в ситуации преобладания фордистско-кейнсианской социально-экономической модели, институционально воплощавшей в себе ряд социально-классовых компромиссов в условиях послевоенного мира и наступившей после Второй мировой войны фазы экспансии мировой экономики. В свою очередь, кризис “рыночного общества” XIX века и его преобразование в новый социальный порядок сам по себе представлял крупный сдвиг в конфигурации мирового капитализма и воспринимался крупными мыслителями того времени Й.Шумпетером, Дж.М.Кейнсом, К.Мангеймом, К.Поланьи и даже Ф.Хайеком как крупный исторический сдвиг, смена исторических эпох, хотя и относились они к нему по-разному. Как своего рода великую трансформацию расценивал подобный сдвиг венгерский социолог и экономический антрополог Карл Поланьи (1886–1964) [Поланьи, 2002, 2010], искавший причины глубокого кризиса западной цивилизации в конце XIX — первой половине XX века. В своей работе “Великая трансформация”, написанной в начале 1940-х, Поланьи исследовал возникновение и упадок либеральной рыночной экономики, лежавшей в основе мирового порядка XIX века. Критика со стороны Поланьи экономического либерализма XIX века и его базовых принципов — коммерциализации рабочей силы и земли, введения золотого стандарта, установления саморегулирующегося свободного рынка и свободы торговли — способствует лучшему пониманию смысла второй великой трансформации XX века — неолиберального поворота 1970-х годов, его сущности и последствий для человечества, а также может пролить свет на значение начавшегося в 2008 году в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом краха неолиберального проекта и формирования новой, еще не имеющей четких очертаний, модели общественного развития будущего.

Для понимания причин катаклизмов, постигших человечество в первой половине XX века, и выявления тенденций дальнейшего развития человеческого общества К.Поланьи создал оригинальный подход в экономической социологии, применяемый им к пониманию экономической истории человечества. Этот подход характеризуется наличием определенного концептуального аппарата — совокупностью концептов, составляющих содержание указанного подхода — и логической структурой как совокупностью связей между концептами. Наиболее важными в подходе, разработанном Поланьи, являются концепты встроенности или включенности экономики в социальную систему, фиктивных товаров и коммодификации, а также концепт двойного движения.

Логически исходный пункт размышлений Поланьи — его концепция человека как социального существа, жизнь которого определяется его включенностью в паутину связей социальных общностей. Эта концепция была разработана в противовес модели homo economicus неоклассической экономики, редуцировавшей все богатство человеческих интересов, потребностей, мотивов, желаний, моделей поведения, институтов к модели поведения рационального эгоиста, стремящегося к максимизации материальной выгоды и минимизации издержек. Такая экономистская концепция рассматривает чело-

века как по своей природе атомизированного агента рынка и является весьма ограниченной. Как писал Поланьи: “Мы подвержены оглуляющему влиянию рыночной экономики, которая внушает нам до предела упрощенные взгляды на роль и функции экономической системы в обществе” [Поланьи, 2010: с. 32]. Чтобы преодолеть эту ограниченность рыночного детерминизма и открыть “реальность общества”, Поланьи развивает подход, который в экономической антропологии получил название субстантивистского, противоположный “формальной экономической теории”. В рамках указанного подхода Поланьи проводил различие между формальным определением значения термина “экономического” как рационального поведения, основанного на соотношении затрат, средств и целей в условиях дефицита средств по отношению к целям, что обуславливает необходимость их выбора, и содержательным определением “экономического” как деятельности общественных индивидов, нацеленной на удовлетворение потребностей [Поланьи, 2010: с. 47]. На основе субстантивистского подхода, истоки которого Поланьи находил у Аристотеля, он критиковал как экономическое заблуждение стремление рассматривать все существовавшие в истории типы экономического поведения как формально рациональные и совершающиеся по типу рыночного взаимодействия и преследования выгоды. Экономике в содержательном смысле Поланьи рассматривал как институционально оформленный процесс взаимодействия между человеком и окружающей его средой, в результате которого происходит создание удовлетворяющих человеческие потребности материальных благ. С этой точки зрения экономика включена и вплетена в систему как экономических, так и неэкономических институтов. При этом влияние неэкономических институтов на работу экономики Поланьи рассматривал как жизненно важное в контексте определения характера экономики, ибо “религия или управление могут быть также важны для структуры и функционирования хозяйства, как денежные институты или наличие машин и оборудования, облегчающих тяжелое бремя труда” [Поланьи, 2010: с. 56]. Только субстантивистское понимание экономического может быть использовано в социальных науках, занимающихся исследованием всех общественно-экономических систем, реально существовавших на протяжении человеческой истории. Формальное же определение экономики в лучшем случае применимо только к исследованию рыночной экономики. Но за пределами “системы ценообразующих рынков экономической анализ как метод исследования реального хозяйства чуть ли не полностью теряет свое значение. Наглядным подтверждением этому служит централизованное плановое хозяйство, основанное на нерыночных ценах” [Поланьи, 2010: с. 53].

Как можно сделать вывод, Поланьи выводит содержательное значение экономического из факта зависимости человеческой жизни от взаимообмена общества и природы, в результате которого человек получает доступ к средствам жизнеобеспечения и удовлетворяет свои потребности. Фактически основанием концепции Поланьи оказывается принципиальное положение материалистического понимания истории, разработанного Марксом. Ибо именно Маркс в качестве исходного пункта исследований рассматривал “индивидов, производящих в обществе”, то есть “общественно определенное производство индивидов”, а под производством понимал “присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее” [Маркс, 1968: с. 17, 23].

С точки зрения Поланьи исследование институционального оформления экономики должно начинаться со способов достижения единства экономики и общества, то есть способов обеспечения взаимозависимости и воспроизводства частей общественного целого. Таким образом, в центре внимания Поланьи находятся формы интеграции экономики и общества и то, какие это имеет последствия для развития общества. Отношение между экономической и социальной системами общества выражаются Поланьи через понятие “встроенности”. Это один из наиболее сложных для понимания и неопределенных концептов, используемых Поланьи. Трудность его понимания вытекает из того, что он в значительной степени носит метафорический характер и его неоднозначное толкование восходит к самому Поланьи. Целью введения этого концепта-метафоры было осмыслить ту особую роль, которую играют мотивы бесконечной погони за прибылью в капиталистическом обществе в отличие от некапиталистических обществ. И это различие было выражено посредством формулировки теоретического положения об изменении места “экономики” в “обществе” с переходом от докапиталистических обществ к капитализму или даже промышленному капитализму, для чего использовался термин “встроенность”. С этой точки зрения либо экономическая система может быть “встроена” в социальную, либо наоборот социальная система — в экономическую. В последнем случае Поланьи говорит о “не-встроенности” (disembedding) или “обособленности” экономики от общества, ее выделении в особую независимую институциональную сферу, как бы освобожденную от связи с социальными аспектами человеческого бытия, лишённую социального содержания, понимая под этим подчинение социальной системы экономическому мотиву получения прибыли. В условиях обособленности от общества уже не экономика выступает инструментом обеспечения жизнедеятельности общества, а общество превращается в средство обеспечения функционирования ставшей автономной от общества саморегулирующейся экономической системы, или, как говорит сам Поланьи, общество становится устроенным таким образом, чтобы обеспечить функционирование экономической системы согласно ее собственным законам [Поланьи, 2002: с.70]. Однако такой взгляд на взаимоотношение экономики и общества, экономического и социального, представляющий их в образе сфер, то есть вещественно-материальных предметов, обладающих четкими пространственными границами, является метафорой, которая может ввести в заблуждение, ибо ни экономика, ни социум не представляют собой онтологически обособленных материальных образований. Речь идет о конструктах, позволяющих аналитически выделить различные аспекты жизнедеятельности общества как органической целостности, которые в объективной реальности составляют конкретно-историческое единство. Следовательно, ни общество не может быть встроено в экономику, ни экономика — в общество, ни их отношения, что касается степени встроенности, не могут изменяться. Отсюда возникает проблема выяснения рационального смысла и значения концепта-метафоры “встроенность”. Этому была посвящена довольно основательная дискуссия в современной социологии. Как показал ряд исследователей, в частности Г.Дэйл [Dale, 2008, 2010], Ф.Блок [Block, 2003, 2007] и К.Гемичи [Gemici, 2008], для “Великой трансформации” и других работ Поланьи характерна неоднозначность концепта встроенности. Поланьи, как отмечает Г.Дэйл, обладал спо-

способностью “быть непоследовательным в определении ключевых понятий и противоречить самому себе в одной и той же работе” [Dale, 2010: p. 373], что открывало простор не просто для различных, а подчас прямо противоположных интерпретаций. Вследствие этого Поланьи относили одновременно и к марксистам, и к либералам, а саму “Великую трансформацию” толковали и как либеральный, и как коммунистический манифест. Что касается концепции встроенности, выражающей определенный характер отношения между экономикой и обществом, экономикой и социумом, то у Поланьи можно выявить, по крайней мере, две ее различных интерпретации. С одной стороны, концепция встроенности выражает идею принципиального единства экономики и общества, невозможности обособить экономику от социальных отношений и социальных институтов. В данном случае Поланьи развивает целостный взгляд на общество, в котором экономика, включая рыночную, всегда формируется и структурируется социальными институтами и отношениями, вплетена в них. Эта точка зрения “всегда встроеной экономики”, как ее охарактеризовал Ф.Блок [Block, 2003, 2007], направлена против рыночного детерминизма и рыночной ментальности неоклассической экономической теории. Она, как отмечает К.Гемичи, представляет собой методологический принцип исследования экономики [Gemici, 2008].

С другой стороны, Поланьи рассматривает рыночную экономику как “обособленную” от общества и социальных институтов, как функционирующую исключительно в соответствии с собственными законами и подчиняющую своей логике все общество. Здесь концепт встроенности имеет несколько иной смысл. Он представляет собой идеальный тип, сконструированный для целей сравнительно-исторического исследования различных форм общества, основанных на различных типах экономических систем. Источником его, помимо марксизма, является дихотомическая конструкция *Gemeinschaft-Gessellschaft* Ф.Тенниса (см.: [Dale, 2008, 2010]).

Насколько эти две концепции встроенности, которые можно обозначить как социологическую и историческую, противоречат друг другу? Если учесть, что, однажды возникнув, рыночная экономика подчиняет себе общество, следовательно, и социум, социальные институты и отношения, то смысл характеристики капиталистического общества противоположен метафоре “обособленности”, посредством которой он выражается. В такой характеристике отсутствует образ четкой демаркации автономных сфер общества, присущий этой метафоре, и, наоборот, в нем выражается та же идея целостности капиталистического общества, но целостности, покоящейся на других основаниях, нежели целостность некапиталистических обществ. Эта же идея целостности является центральной и для концепции встроенности в первом смысле. Таким образом, обе концепции встроенности являются скорее комплементарными, чем противоположными, ибо относятся к существенно различным аспектам концепции Поланьи — к пониманию им структуры общества вообще, отношения экономики, политики и социума, с одной стороны, и выяснению специфики социально-экономических отношений капиталистического общества в сравнении с социально-экономическими отношениями некапиталистических обществ — с другой. Именно чтобы показать аномальность капиталистического общества и абсурдность включения общества в экономику, то есть подчинения жизнедеятельности общества логике прибыли, Поланьи характеризует капиталистическую ры-

ночную экономику как обособленную. Едва ли справедливо упрекать Поланьи, что, развивая эволюционную схему Тенниса, он имплицитно предполагает, что капиталистическая экономика основана исключительно на контрактных отношениях и обмене товаров и услуг. На основании этого можно было бы подумать, что Поланьи не понимает, сколь важна роль социальных и политических институтов для функционирования, формирования и структурирования рыночной экономики, и не применяет свое видение экономической жизни как встроенной и вплетенной в социальные институты к рыночной экономике, поскольку она определена им как обособленная и институционально отделенная от общества (см.: [Gemici, 2008: p. 23–25]). Как будет подробнее показано дальше, Поланьи прекрасно видит, каким образом рыночная экономика формировалась посредством политических и юридических мер политическими и правовыми институтами (включая, например, государство, политические партии, законодательство) в контексте определенных социально-классовых отношений. Следовательно, смысл концепции встроенности-обособленности не в том, чтобы противопоставить экономику обществу. Он, скорее, в том, чтобы выразить различную роль так называемых экономических мотивов, стимулов в жизни обществ различного типа.

Здесь следует обратить внимание на специфику употребления терминов экономика и экономический в концепции Поланьи и смысла придаваемого им в различных контекстах, с чем также могут быть связаны противоречивые интерпретации встроенности. Как показал сам Поланьи, есть экономика (понимаемая субстантивистски) и экономика (как она понимается формальной экономической теорией). Экономика в первом смысле представляет собой производство и обмен материальных жизненных благ в человеческом обществе; экономика во втором смысле фактически отождествляется с конкретной формой экономики — рыночной экономикой, а экономический означает здесь рыночный. Похоже, что сам Поланьи, выделив два различных значения экономики, одновременно при исследовании рыночной экономики допускает их смешение, подмену одного смысла экономического другим и редуцирует экономику вообще к рыночной экономике, что приводит к возникновению метафоры обособленной экономики. Эта метафора выражает доминирование в капиталистическом обществе рыночных отношений и мотива личной материальной выгоды, в то время как в некапиталистических обществах рынки и стремление к личной выгоде играли подчиненную роль. То, что Поланьи допускает в итоге такую подмену, не должно удивлять. Ибо и в наше время множество исследователей, в том числе и являющихся марксистами, несмотря на то, что в истории человеческого общества доказательно выделено множество типов экономических систем, продолжают сводить экономические отношения к рыночным, а под экономическими стимулами, экономическими факторами, влияющими на поведение индивидов, понимают стремление к личной выгоде и жажду наживы. В результате редукции экономического вообще к рыночному Поланьи можно понять в том смысле, что только капиталистические отношения являются экономическими, а все некапиталистические отношения лишены экономического, что и выражается метафорой встроенности-обособленности экономики.

Вероятно, именно с подобным неправомерным отождествлением экономического с рыночным связана и критика Поланьи марксистского экономического детерминизма. Когда он критикует рыночный детерминизм фор-

мальных экономистов за их стремление представить докапиталистические экономические системы по образу и подобию рыночной экономики, он поступает совершенно правомерно. К моменту написания “Великой трансформации” антропологией было накоплено достаточно эмпирического материала, обобщение которого привело к выводу, что поведение людей в так называемых примитивных обществах не определяется их природной склонностью к обмену и выгоде, что предполагалось в классической и неоклассической экономике, более важную роль играют кровнородственные, моральные, идеологические, религиозные, правовые и социальные отношения и факторы. И даже в рыночном обществе индивидуалистические мотивы, связанные с обменом и выгодой, являются далеко не единственными факторами, влияющими на действия людей. Но экономический детерминизм марксизма вовсе не означает признания приоритетности так называемых экономических интересов, если под ними понимать эгоистические мотивы поведения индивидов, связанные с рыночной целесообразностью, в чем пытаются упрекнуть марксизм Поланьи, утверждая, что “глядя на мир с позиций противостоящих друг другу классов, либералы и марксисты защищали, в сущности, тождественные положения” [Поланьи, 2002: с. 170]. Возможно, что марксизм поначалу давал основания для подобного упрека своим, по выражению Ю.Семенова, “капиталоцентризмом”, связанным с преувеличением роли товарного обращения в истории, особенно в процессе образования классовых обществ, который связывался с возникновением товарообмена и товарного производства [Семенов, 2003: с.248]. Однако в целом экономический детерминизм в марксизме имеет совершенно другой смысл и означает только то, что тип общества определяется типом его социально-экономической структуры, типом или формой его общественного производства или, что то же самое, способом производства как определенной общественно-исторической формой производства (которая складывается независимо от воли и сознания людей, и наоборот, определяет их сознание и волю). При этом каждая экономическая система, то есть определенная общественно-историческая система производства, создает свои присущие только ей формы детерминации поведения людей. В одних случаях, как в капиталистической экономике, где господствует рыночная организация производства и экономические отношения выступают в форме рыночных, это могут быть рыночные стимулы — стремление к максимизации выгоды, прибыли. В случае же с некапиталистическими экономиками действуют нерыночные стимулы — моральные, правовые, политические. Иногда это различие проводится в форме утверждения, что при капитализме господствует непосредственно экономическое принуждение, а в других типах общества доминируют неэкономические стимулы, включая и внеэкономическое принуждение. Это неточно, поскольку во всех типах общества поведение детерминировано экономически, то есть существующим типом социально-экономических систем, но это — различные типы экономических систем с различными типами экономической детерминации, определяемой особыми типами производительных сил и производственных отношений. То обстоятельство, что в докапиталистических обществах мотивы личной выгоды и погони за прибылью не играли особой роли или даже полностью исключались, а производственные отношения выступали в форме родства, морали, обычая или права, детерминировано экономически — исторически опреде-

ленной формой общественного производства. Качественное отличие капиталистической экономики от докапиталистических было зафиксировано Поланьи в форме концепции встроенности — обособленности экономики, в соответствии с которой в капиталистическом обществе возникает особая экономическая сфера, действующая по своим специфическим законам. В докапиталистических же обществах, с точки зрения Поланьи, никакой такой сферы нет и вместо экономической детерминации поведения там действует социальная.

Подводя итог рассмотрению поланьевской концепции встроенности-обособленности экономики, по всей видимости, будет правильным провести границу между встроенными и не-встроенными экономическими системами по критерию их нацеленности или на производство ради удовлетворения человеческих потребностей, на жизнеобеспечение, или на производство ради прибыли, то есть по критерию доминирования рыночных или нерыночных экономических отношений. Тогда встроенными будут нерыночные некапиталистические типы экономических систем, в которых рынок в какой-либо форме хотя и может существовать, но не является определяющим. С другой стороны, обособленной экономической системой выступает капиталистическая рыночная экономика.

Соответственно Поланьи выделяет три формы интеграции экономики и общества и соответственно три структурных принципа, на которых могут быть основаны общества, для которых характерно единство экономической и неэкономической подсистем или общества с социально-встроенными типами экономических систем: (1) реципрокность отношений между симметричными, то есть аналогично упорядоченными и организованными группами (например, группами кровных родственников); (2) редистрибуция материальных благ каким-либо распределительным центром, являющимся элементом господствующего политического строя; (3) домашнее хозяйство, принцип которого состоит в производстве для удовлетворения собственных потребностей, осуществляющемся в основном в самодостаточных хозяйственных единицах (греческие поселения времен Аристотеля, древнеримская семья, средневековый манор) [Поланьи, 2002: с. 61–65]. Эти принципы симметрии, центричности и автаркии противоположны анархическому обмену, совершающемуся посредством ценообразующих рынков в не-встроенной саморегулирующейся экономике. Из этого следует, что рыночная капиталистическая экономика является только одной из форм организации экономики и не должна использоваться как надисторическая модель, пригодная для понимания того, как устроены и функционируют другие типы социально-экономических систем. Более того, Поланьи отмечает, что и торговля сама по себе не обязательно основывается на принципах товарно-денежных отношений. Она может быть организована в виде обмена дарами или как администрируемая торговля [Поланьи, 2002: с. 72]. Выделенные Поланьи формы интеграции не являются стадиями исторического развития и не предполагают никакой последовательности во времени. Нет какого-либо определенного движения от одной формы интеграции к другой в процессе исторического развития общества. Нередко различные формы интеграции могут сосуществовать в рамках одной экономической системы, при этом господствующая форма может временно отойти на задний план, а затем вновь занять господствующее положение. Однако на протяжении

большей части истории реципрокность, редистрибуция и автаркия были доминирующими формами интеграции. Преобладание же рыночной системы как формы интеграции — явление относительно недавнее. Рынки в истории человечества часто играли заметную роль в экономике, однако, как настаивает Поланьи, ни с точки зрения территориального охвата, ни с точки зрения полноты институционального оформления эта роль никогда не была сопоставима с их ролью в XIX веке [Поланьи, 2010: с. 63].

В общем нетрудно заметить, что *не-встроенная (обособленная) экономическая система* как ее понимает Поланьи — рыночная экономика, характеризующаяся как саморегулирующаяся экономическая система, в которой товары и услуги производятся для продажи на рынке и в которой существуют рынки труда, земли и денег — тождественна по своему значению пониманию капитализма в трудах Маркса, а вся типологическая конструкция, помимо целей сравнительно-исторического анализа, создана Поланьи для уяснения специфики капиталистической рыночной экономики и демонстрации того, что с точки зрения интересов общества в целом нет необходимости подчинять производство, распределение и обмен мотиву прибыли. Концепция встроенности экономики в общество выступает у Поланьи основной критики модели homo economicus как идеологического искажения действительного процесса развития общества неоклассической экономикой.

Поланьи характеризует не-встроенную, обособленную рыночную экономику, основанную на отделении экономики от политики и социума, как довольно неустойчивую систему. Это связано с тем, что свободный рынок, навязывающий обществу мотив прибыли и корысти и не связанный социальным регулированием и контролем, обладает разрушительными для социальной системы и общества в целом последствиями. Основная причина этого заключается в процессе коммодификации, приобретающей при рыночной экономике всеобщий характер. С самого начала следует отметить, что хотя Поланьи не исследует причины институционального обособления рынков и возникновения рыночной экономики, имплицитно предполагается, что все это связано с исследованным Марксом процессом возникновения капитализма и становления системы бесконечного накопления капитала, вызывающей усиление неравенства, эксплуатации и отчуждения.

Поланьи определяет рыночную экономику как систему саморегулирующихся рынков, управляемую рыночными ценами и ничем другим, кроме рыночных цен. В этой системе производство и распределение определяется механизмом рыночного ценообразования, а все входящие в нее компоненты (“факторы производства”) подвергаются коммодификации. Саморегулирование означает, что все производится для продажи на рынке и все доходы извлекаются из такой продажи.

Поланьи отмечает, что подчинение экономической системы принципу саморегулирующегося рынка влечет за собой колоссальные последствия для социальной организации, а именно — превращает общество в придаток рынка. Теперь уже не экономика направляется социальным контекстом, не экономическая деятельность подчиняется системе социальных связей, а, наоборот, система социальной жизни общества — рыночной экономической системе, и, в конечном итоге, рыночная экономика может продолжать существование только как рыночное общество.

Однако, с точки зрения Поланьи, возникновение в Европе в конце XVIII века подобной “не-встроеной” саморегулирующейся рыночной системы представляло собой аномалию [Поланья, 2002: с. 85]. На протяжении большей части истории человечества экономические практики подчинялись определенным принципам социального взаимодействия (реципрокность, редистрибуция, производство для собственного потребления), которые институционализировались с помощью социальной организации определенного вида. Здесь экономическая структура определялась и вплеталась в социальную, то есть была только подчиненной частью более широкого социального и политического порядка. Существовавшие разновидности рынков были, таким образом, подчинены существовавшим социальным механизмам и отвечали социальным целям данного общества; они играли вспомогательную роль в обществах, где ведущая роль принадлежала иным принципам экономического поведения. Вопреки такому положению вещей, превращение в конце XVIII века регулируемых рынков в саморегулирующиеся, что было связано с промышленной революцией, вызвало полную трансформацию структуры общества, выразившуюся в институциональном разделении общества на экономическую и политическую сферы, чего раньше в истории не наблюдалось [Поланья, 2002: с. 85].

Расширение сферы действия саморегулирующихся рынков вело к образованию рынков не только товаров, но и всех факторов производства — труда, земли и денег, ценой которых выступают заработная плата, рента и проценты. Здесь Поланья вводит другой важный концепт — фиктивные товары как противоположность товаров реальных. С точки зрения Поланьи, экспансия рынков приводит к тому, что вся человеческая жизнь становится зависимой от рыночных трансакций и все больше аспектов жизни превращается в товары, но этот процесс носит фиктивный характер, поскольку ключевые элементы, необходимые для нормальной работы рыночной экономики, не обладают свойствами товаров, хотя и предполагаются таковыми. Функционирование саморегулирующейся рыночной экономики невозможно без коммодификации земли, труда и денег, ибо в коммерциализированном обществе бесперебойный приток факторов производства можно обеспечить, только сделав их доступными для покупки, то есть превратив в товары, продаваемые на рынке. Но земля, труд и деньги — это, согласно Поланьи, фиктивные товары, на самом деле товарами не являющиеся. Они или не производятся вовсе или производятся не для продажи и потому, строго говоря, не могут определяться как товары. Труд (рабочая сила) — это сами человеческие существа и деятельность, связанная с процессом обеспечения жизни, а земля — это природа, естественная среда, в которой они живут, и которая создается вовсе не человеком. Включить их в рыночный механизм — значит подчинить законам рынка саму субстанцию общества. Деньги — это просто символ покупательной способности, которая, как правило, вообще не производится для продажи. Для того, чтобы рыночная экономика могла существовать, деньги должны быть превращены в товар. Создание фиктивных товаров (земли, труда, денег) сыграло ключевую роль в конструировании саморегулирующейся рыночной экономики и, следуя за Марксом, Поланья в качестве главного условия коммодификации земли и рабочей силы называет отделение непосредственных производителей от земли. Но, кроме того, отделение труда от других сфер человеческой жизни, подчи-

нение его законам рынка и формирование рынка труда требовало уничтожения всех “органических форм социального бытия” и замены их совершенно иным атомистическим и индивидуалистическим типом социальной организации.

Важным следствием установления господства рыночного механизма, по мнению Поланьи, является превращение голода в основной стимул вовлечения в производство рабочей силы на условиях работодателей, “средство заставить бедняка зарабатывать себе на кусок хлеба” и постоянный фактор жизни капиталистического общества. В рыночном обществе доступ к жизненным средствам опосредован рынком, ибо “в подобной системе человек, если он хочет выжить, должен покупать товары на рынке в счет доходов от продажи других товаров на рынке”, каковыми для непосредственных производителей выступает их собственная рабочая сила [Поланьи, 2010: с. 36]. Таким образом, угроза голода, то есть угроза лишиться средств к существованию, вместе со стремлением получить прибыль выступает необходимым условием функционирования рыночной системы, капиталистического производства. Без нее невозможно существование рынка труда, и потому она рассматривается как экономический стимул. При этом превращение голода в экономический стимул к труду, к продаже рабочей силы является не просто непреднамеренным следствием развертывания рыночной экспансии. Как показывает Поланьи, эта мера была прямо рекомендована как научный и экономически целесообразный подход либеральной политической экономией, бившейся над вопросом — каким образом можно заставить “бедняка зарабатывать себе на кусок хлеба” в условиях, когда после всех мер дерегулирования и либерализации рынка труда еще продолжали действовать остатки систем социальной защиты, которые в Англии были известны как система Спинхемленда. Ответ, данный экономическими либералами XIX века, заключался в обосновании необходимости слома механизмов социальной защиты. В этом пункте становится особенно явственной преемственная связь между экономическим либерализмом XVIII–XIX веков и современным неолиберализмом, озабоченным поиском путей обеспечения “эффективности” рыночной экономики. Научность подхода экономических либералов, как показывает Поланьи, заключалась в экстраполяции законов природы на общество и таким образом натурализации социального. В результате применения биологической метафоры к обществу в либерализме была сконструирована своего рода антропологическая модель человека не только как социального атома, но и как животного, непосредственно подчиненного действию законов природы. Одним из них была борьба всех против всех — конкурентная борьба за существование, другим — регулирование количества человеческих особей наличным количеством пищи. В этой модели общество состоит из двух биологических видов — собственников и работников. Но именно последние, в отличие от первых, живут в природном состоянии и именно их количество должно ограничиваться количеством пищи. Поскольку законы рыночной экономики вытекают из законов природы, ни в каком государственном вмешательстве в защиту бедных нет нужды. Наоборот, требуется создание таких условий, при которых можно было не сомневаться, что “бич голода принудит их к труду” за любую заработную плату. Таковым условием в Англии XIX века была отмена Закона о бедных, а в индустриально развитых капиталистических странах XX–XXI веков —

ликвидация систем социальных гарантий, воплощенных в “социальном государстве”. И в том, и в другом случае идея одна и та же, как ее расценивает Поланьи: “Никакого установления расценок заработной платы властями, никаких пособий трудоспособным — но также никакого минимума заработной платы, никаких гарантий ”права на жизнь”. Рабочая сила есть товар, который сам должен найти свою цену на рынке, а значит, и обращаться с ним нужно соответственно... Пусть рынок возьмет на себя заботу о неимущих, и все устроится само собой” [Поланьи, 2002: с. 133]. Эта натурализация общественных отношений, в том числе и в форме социального расизма, являлась и является идеологическим обоснованием неизбежности и естественной необходимости экономического либерализма (неолиберализма) как особого классового проекта.

По мнению Поланьи, позволить рыночному механизму господствовать над людьми и их естественной средой обитания, определять объем и способы реализации их покупательной способности означает в конечном итоге уничтожить человеческое общество. “Никакое общество, даже в течение самого краткого времени не смогло бы выдержать последствия подобной системы откровенных фикций, если бы его человеческая и природная основа, а также его экономический строй не были ограждены от разрушительного действия этой “сатанинской мельницы” [Поланьи, 2002: с. 88]. Введение концепта фиктивных товаров позволяет Поланьи обосновывать социально, экологически и экономически неустойчивый, внутренне противоречивый характер рыночной системы, ее аномальность и, потому, утопизм попытки построить общество на фундаменте свободного рынка. Этот концепт дает возможность зримо продемонстрировать разрушительные последствия рыночной экономики и обосновать необходимость политического вмешательства в законы спроса и предложения в отношении человеческого труда и природной среды человека, необходимость их декоммодификации — выведения из сферы действия рынка.

Важным элементом поланьевской характеристики рыночной экономики является понимание ее сконструированности, того, что она является продуктом осознанного социального действия социального субъекта. Возникновение рыночного общества в XIX веке вовсе не представляло собой стихийного процесса. Наоборот, для того, чтобы такое общество возникло, необходимы были целенаправленное вмешательство социального технолога-инженера определенного типа и определенный вид социальной инженерии с использованием государства как важнейшего рычага преобразования общества на основе рыночных принципов. “Для типичного утилитариста экономический либерализм был социальным проектом, который следовало осуществить ради наибольшего счастья наибольшего числа людей; *laissez-faire* воспринимался не как способ достижения цели, а как сама цель” [Поланьи, 2002: с. 88]. Важной вехой на этом пути Поланьи считает Акт о реформе закона о бедных 1834 года, Банковский акт Пиля 1844 года и Билль против хлебных законов 1846 года в Британии. Каждый из них вводил один из принципов экономического либерализма — рынок труда, золотой стандарт и свободу международной торговли. Эти, а также другие политико-юридические меры в других европейских странах привели к разрушению существовавшей в XVIII веке европейской меркантилистской системы регулируемых рынков и системы национального благосостояния. Необходимым

условием победы принципа свободного рынка стала смена формы государства — разрушение абсолютистского интервенционистского государства (контролировавшего, например, цены на необходимые продукты) и замена его либеральным государством. “В политике *laissez-faire*, — отмечает Поланьи, — не было ничего естественного: простое невмешательство в ход вещей никогда не смогло бы породить свободные рынки. Подобно тому как хлопчатобумажное производство — главная фритредерская модель — было создано с помощью покровительственных тарифов, экспортных премий и непрямых дотаций к заработной плате, точно также и сам принцип *laissez-faire* был проведен в жизнь усилием государства. На 30–40-е годы [XIX века. — *А.М.*] приходится не только взрыв законодательной активности в деле отмены прежних регламентирующих актов, но и громадное расширение административных функций государства, которое постепенно обзаводилось центральным бюрократическим аппаратом, способным выполнять задачи, поставленные сторонниками либерализма... Бенгамовский либерализм означал замену парламентских мер деятельностью административных органов” [Поланьи, 2002: с. 156]. Поланьи приводит достаточно аргументов в пользу того, что воплощение в жизнь саморегулирующегося рынка было продуктом сознательной государственной политики [Поланьи, 2002: с. 158]. Точно так же в конце XX века переход к неолиберальному курсу маркетизации, либерализации и дерегулирования рынков вовсе не был стихийным; точно так же “дорога к свободному рынку была открыта и оставалась открытой благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра. ...Создание свободных рынков вовсе не устранило необходимость контроля, регулирования и вмешательства, а как раз невероятным образом увеличило их масштаб” [Поланьи, 2002: с. 158]. И точно так же переход к такому курсу требовал слома социального государства и установления неолиберального государства, в котором социальный компромисс отбрасывается ради поощрения интересов капиталистической частной собственности.

Предложив свою концепцию рыночной экономики как экономики, обособленной от общества, подчиняющей общество мотиву прибыли и основанной на системе фикций, Поланьи заложил теоретико-методологические основы критического исследования тех процессов планетарной экспансии либеральной рыночной экономики, которые в конце XX века будут ассоциироваться с неолиберальной глобализацией. То, каким образом концепт глобализации может быть осмыслен на основе системы взглядов Поланьи, будет продемонстрировано в следующих статьях.

Источники

Веселов Ю.В. Классики экономической социологии: Карл Поланьи / Ю.В. Веселов // Социологические исследования. — 1999. — № 1. — С. 111–115.

Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон ; пер. с англ. — М. : Праксис, 2004. — 576 с.

Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи: заметки на полях “Великой трансформации” / Р.И. Капелюшников // Социологический журнал. — 2005. — № 3. — С. 5–36.

Маркс К. Сочинения : т. 46, ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. литературы, 1968. — 560 с.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Поланьи К. ; пер. с англ. — СПб. : Алетейя, 2002. — 320 с.

Поланьи К. Избранные работы / Поланьи К. ; пер. с англ. — М. : Издат. дом “Территория будущего”, 2010. — 200 с.

Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 3. — С. 62–73.

Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи / В.В. Радаев // Экономическая социология. — 2004. — Т. 5, № 5. — С. 20–34.

Розинская Н.А. Влияние идей К. Поланьи на современную науку [Электронный ресурс] / Н.А. Розинская. — Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru>.

Розинская Н.А. Карл Поланьи о капитализме [Электронный ресурс] / Н.А. Розинская. — Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru>.

Розинская Н.А. Теоретические истоки экономических воззрений К. Поланьи [Электронный ресурс] / Н.А. Розинская. — Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru>.

Семенов Ю.И. Теоретические проблемы “экономической антропологии” / Ю.И. Семенов // Этнологические исследования за рубежом. — М. : Наука, 1973. — С. 30–76.

Семенов Ю.И. Экономическая антропология // Этнология в США и Канаде / Семенов Ю.И. — М. : Наука, 1989. — С. 62–85.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество : ч. 1 / Семенов Ю.И. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. — 248 с.

Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Семенов Ю.И. — М. : Современные тетради, 2003. — 776 с.

Block F. Karl Polanyi and the Writing of “The Great Transformation” / F. Block // Theory and Society. — 2003. — Vol. 32, № 3. — P. 275–306.

Block F. Understanding the Diverging Trajectories of the United States and Western Europe: A Neo-Polanyian Analysis / F. Block // Politics and Society. — 2007. — Vol. 35, № 1. — P. 3–33.

Dale G. Karl Polanyi’s The Great Transformation: perverse effects, protectionism and Gemeinschaft / G. Dale // Economy and Society. — 2008. — Vol. 37, № 4. — P. 495–524.

Dale G. Social Democracy, Embeddedness, and Decommodification: On the Conceptual Innovations and Intellectual Affiliations of Karl Polanyi / G. Dale // New Political Economy. — 2010. — Vol. 15, № 3. — P. 369–395.

Fine B. Development as Zombieconomics in the Age of Neoliberalism / B. Fine // Third World Quarterly. — 2009. — Vol. 32, № 3. — P. 885–904.

Gemici K. Karl Polanyi and the antinomies of embeddedness / K. Gemici // Socio-Economic Review. — 2008. — Vol. 6, № 4. — P. 5–33.

Tett G. Lost through destructive creation [Electronic resource] / G. Tett. — Access mode : <http://www.ft.com/cms/s/0/95992eee-0d12-11de-a555-0000779fd2ac.html>.

Wolf M. (a) Financial, globalisation, growth and asset prices [Electronic resource] / M. Wolf. — Access mode : http://www.banque-france.fr/gb/publications/telechar/seminaires/2008/colloque_mars_2008/Wolf.pdf.

Wolf M. (b) Seeds of its own destruction [Electronic resource] / M. Wolf. — Access mode : http://www.agonist.org/tjfxh/20090308/martin_wolf_seeds_of_its_own_destruction.